

*Рейтинг
лучших любовников*

*русский
любовный
роман*

Светлана Демидова

Светлана Демидова

Рейтинг лучших любовников

«Автор»

2006

Демидова С.

Рейтинг лучших любовников / С. Демидова — «Автор», 2006

ISBN 5-699-17728-0

Можно ли построить счастье на обломках личной жизни подруги? А почему бы не попытаться, если ее муж – прекрасный любовник? Пока Катя сомневалась, обнародовать эту связь или нет, жизнь коренным образом изменилась. В Питер вернулся Антон – школьная любовь Кати и ее подруги Веры. Вот кто лучший любовник на свете! Забытый роман закрутился с новой силой. И все бы хорошо, но Вера подготовила сюрприз. Пригласив семьи Кати и Антона к себе в гости, она рассказала такое, что спокойная жизнь для каждого из собравшихся закончилась. Навсегда...

ISBN 5-699-17728-0

© Демидова С., 2006

© Автор, 2006

Светлана Демидова

Рейтинг лучших любовников

*"Коротаем мы ночи длинные,
нелюбимые с нелюбимыми..."*

Из популярной песни

Я ее ненавижу. Она об этом не знает. Более того, она считает меня своей лучшей подругой. Мне иногда очень хочется рассказать ей, каково на самом деле положение вещей. Кто есть кто. Но еще не время. Я люблю представлять, как говорю ей:

– Я тебя ненавижу.

Она сначала думает, что я шушу, и беспечно улыбается. Тогда я повторяю эту фразу с особым нажимом и по слогам:

– Я те-бя не-на-ви-жу!

Каждый слог должен вонзиться в ее тело, как маленький острый нож. Семь слогов. Семь острых ножей. С зазубринами. Чтобы не вытащить.

Она морщится, как от физической боли, а взгляд ее становится беспомощным и растерянным. Как же я мечтаю увидеть в ее глазах смятение или даже испуг! Меня давно тошнит от ее всегдашней уверенности в себе! Как бы я наслаждалась ее новым состоянием! Я не спешила бы объясняться дальше. Я смаковала бы паузу, которая непременно должна возникнуть при этом нашем разговоре. Я растягивала бы ее и с жадностью ловила перемены в знакомом с детства лице.

Когда до нее наконец дойдет суть сказанного мной, она усилием воли обязательно уберет с лица всякую растерянность (но мне будет уже все равно: ведь я ее видела!) и обязательно спросит:

– За что?

И тут наступит мой час! Я выскажу ей все! Я придавлю ее этим к земле! Я наступлю ей на горло! Пусть хрипит! Она заслужила это так же, как я заслужила видеть ее поверженной и пресмыкающейся у моих ног. Но... Надо еще подождать!

И я дождусь! Дело того стоит!

Ей всегда везло. Я никак не могла понять, почему. На мой взгляд, она никогда не была особенно умна. Во всяком случае, не умнее меня. В школе она вообще часто кормилась за мой счет. Нагло списывала у меня всю математику вместе с физикой и химией. Ей легко давались языки, как русский, так и английский. И даже немецкий, который шел у нас факультативно: хочешь – ходи, хочешь – нет. Она сначала ходила, потом перестала, но и сейчас довольно легко переводит немецкие тексты.

Она лучше писала сочинения, но не настолько, чтобы я просила ее делать это за меня в качестве бартера за математику. Я писала хуже, но, в общем, тоже вполне прилично. Аттестат у меня был даже лучше, чем у нее, на целых три пятерки: по алгебре, геометрии и тригонометрии. Но в те времена «пять» по литературе ценилась гораздо выше отличных отметок по точным наукам. Предполагалось, что тот, кто хорошо пишет сочинения, человек тонкий и неординарный. Она тоже так считала.

Она даже стихи пописывала. Преотвратные. Глупые, на мой взгляд. И непонятные. С вывертами. Марину Цветаеву из себя корчила. Только куда ей... Никто не оценил, кроме нашей ненормальной русачки Анны Галактионовны. Та постоянно посылала ее стихи на районные олимпиады по литературе. И что? Никакого толку! Даже третьего места не получили! Даже поощрительного диплома не удостоивались! И поделом!

Одевалась она всегда лучше меня. Денег в наших семьях было примерно одинаковое количество, но ее мамаша имела какие-то знакомства в магазине одежды «Наташа», на улице пограничника Горькавого. С помощью этих своих связей она всегда могла достать дочери что-нибудь необыкновенное из имоток. Она и мне иногда «доставала». Прямо смешно. Обязательно раза в три хуже, чем у дочери. Однажды она достала нам обеим по итальянскому плащу с модной строченой кокеткой, погончиками и оригинальной застежкой. Цена одна. Фасончик один. Но цвет... Ей – небесно-голубой, мне – грязно-бежевый. Мы так и ходили с ней под ручку: лазоревый цветочек и цветок в пыли. Фильм был с таким названием, индийский – «Цветок в пыли»... Совершенно не помню, про что... Про какие-нибудь индийские несчастья в очень большом количестве...

Моя мама, конечно, в долгу не оставалась. Она имела знакомых на комбинате по производству стиральных порошков «Люкс» и всегда в благодарность посылала матери подружки пару дефицитных пачек. И, между прочим, бесплатно, хотя за итальянский плащ мы платили по полной программе и с наценкой за «доставание». Но в советские времена любому ежу было понятно, что иметь знакомства в магазине «Наташа» гораздо выгоднее, чем на комбинате «Люкс». Хоть с ног до головы осыпья стиральным порошком, это ни в какое сравнение не пойдет с итальянским плащом даже и грязно-бежевого цвета.

А еще в юности у нее вкус был лучше, чем у меня. Это стоит признать! Я старалась не отставать от нее, но вечно промахивалась. На выпускной вечер мы с ней сшили платья в одном ателье и вроде бы в одном стиле. И даже у одной портнихи. И что вышло? У нее – аристократический бальный туалет, у меня – наряд расфрантившейся прислуги.

Ко всему вышеперечисленному стоит добавить, что она еще была очень скупа. Особенно раньше. После школьных выпускных экзаменов родители подарили нам путевки на пятнадцать дней в Геленджик, на Черное море. В конце поездки мне едва-едва хватило на еду в дорогу, а она еще целую сотню привезла домой. И не тепереишнюю сотню, на которую особенно ничего и не купишь, а на советскую. На те сто рублей можно было оторвать себе супермодные сапоги.

Да и сейчас она, пожалуй, не лучше. Никогда не скажет, что живем, мол, хорошо. Вечно у нее на что-то будто бы не хватает. И это при зарплате-то ее муженька! Кроме того, я не слепая, вижу: то они машину сменили, то у них холодильник новый на кухне появился, то на даче такие светильники поставили, что люди со всего поселка сбегались смотреть. Что за манера вечно прибедняться? Наверняка это для того, чтобы я у нее денег не занимала. Я вообще-то редко занимаю. Сейчас, можно сказать, совсем не занимаю, потому что мой муж тоже очень прилично зарабатывает. Но уж если занимать, так не у чужих же людей! Конечно, у подруги!

Однажды (когда у нас еще было маловато денег) я попросила, чтобы она купила у меня финский электрочайник (одно время я пыталась заниматься торговлей). Так не купила! Ни в какую! У нее, дескать, чайник уже есть: хороший, итальянский (прямо как плащ). А я на нее так рассчитывала! Зачем тогда вообще подруга, если не хочет выручить в трудную минуту?

Но самым ужасным, конечно, были не чайники и плащи. Самым отвратительным было то, что мужские головы всегда поворачивались ей вслед. Мы всегда ходили вместе, но я знала: вслед смотрят именно ей. Это было особенно неприятно, потому что мы одного типа: обе высокие, с хорошими фигурами, с длинными темными волосами и светло-кариими глазами, чуть-чуть разного оттенка. Она делала вид, что не замечает повышенного мужского интереса. Это меня всегда злило. Женищина, даже очень юная, всегда замечает, когда на нее смотрят. И чего прикидываться?! Особенно перед лучшей подругой!

Но все мужчины, глазевшие ей вслед, ничего не стоят по сравнению с одним... Именно его я и не могу ей простить – Антона Зданевича. Мы учились тогда в десятом классе, когда я вдруг неожиданно заметила, как он хорош собой: черные волосы, карие глаза, яркие губы и

очень светлая кожа. Он сидел за последней партой среднего ряда. За его спиной была матовая светло-кремовая стена. Вид Антона на фоне стены напоминал мне оттиск старинной гравюры.

Мое место в классе было очень удачным с точки зрения созерцания Антоновой красоты. Я сидела за предпоследней партой на ряду у стены. Поскольку учительский стол находился возле первой парты ряда у окна, я всегда садилась вполоборота будто для того, чтобы виднее было преподавателя. На самом деле при таком расположении корпуса я могла бросать остorozные косые взгляды на Антона. Маскировалась я хорошо. Он моих взглядов не замечал. Зато заметила ОНА, моя подруга. Она взгляделась в выбранный мною объект попристальней и, возможно, тоже нашла в нем сходство с чем-нибудь таким, что волновало ее не менее, чем меня – коричневатые листы старинных гравюр.

Я предупредила ее, что Зданевич мне нравится. Она пожала плечами и ничего не сказала. А через неделю я застала их целующимися в школьном гардеробе за вешалками нашего класса. Она не знала, что я их видела, и продолжала скрывать от меня свои отношения со Зданевичем. Она до сих пор любит пожимать плечами, когда нечего сказать. И когда она пожимает ими, мне все время кажется, что она задумала в отношении меня какую-нибудь очередную гадость.

Я таяла от любви к Антону и оплывала ревностью, как свеча. Если бы она, моя подруга, посмотрела на меня так же внимательно, как взгляделась в Зданевича, то увидела бы на моем лице глубокие борозды, пропаханные слезами, и страшные бугристые натёки ревности. И ненависти. Она могла бы во всем разобраться уже тогда, но не захотела.

Она выпила Антона до дна. Последние капли она срывала с его губ на выпускном. Что произошло между ними после, не знаю, только они больше не встречались. Моя подруга делала вид, что Зданевича не было не только в ее жизни, но и вообще в нашем классе. Его имя никогда не было произнесено ни в одном из наших «задушевных» разговоров.

Когда я поняла, что Антон ей больше не нужен, решила пойти ва-банк. В один прекрасный летний вечер того же года я явилась к нему домой в лучшем своем платье из синего шифона с белыми змеевидными разводами и прямо сказала:

– Люблю. Давно. Почти всю жизнь. Готова на все.

Антон выпил меня до дна, как она его, и бросил. Все то время, что были вместе, мы никогда не произносили имени моей подруги, но я всегда чувствовала, что он целует и обнимает меня назло ей. Он думал, что я все рассказываю ей и что, возможно, она пожалеет о нем. Она же не знала о наших отношениях. Мы с Антоном никуда не ходили, а подглядывать за нами в собственной квартире Зданевичей (как я подглядывала за ними в школьном гардеробе) она не могла. Возможно, на уровне интуиции она что-то подозревала, но помахивала. Мы с ней изо всех сил делали вид, что Антона Зданевича не было в нашей жизни!

Я не знаю, куда Антон исчез, когда окончательно порвал со мной всякие отношения. С тех пор я никогда его не встречала, но забыть не могу до сих пор. Слишком сильна была первая любовь. Слишком болезненна рана. Слишком сильна ненависть к той, из-за прихоти которой...

Несмотря на эту историю и на множество других, мы «дружим» с ней до сих пор. Жизнь нас почти уравнила. Нам с ней уже по тридцать восемь. Мужчины смотрят вслед нам обеим. Она несколько потускнела, приобрела как бы слабый налет патины, который только подчеркивает благородство ее облика и интеллигентность. Черты моего круглого лица со временем немного заострились и как бы проявились, будто на фотографии, которую нужное время выдержали в проявителе и фиксаже.

Мы вышли замуж в один год. Наши дети появились на свет с разницей всего в один месяц. Мы с подругой вместе ходили в женскую консультацию, вместе покупали ползунки, погремушки и читали одну на двоих книгу доктора Спока.

Понятно, что ее муж на порядок лучше моего. В смысле социального положения. Сейчас, правда, они почти сравнялись в своем социальном положении. Внешне оба хороши собой. Оба широкоплечие, черноволосые и черноглазые, но совершенно разные. И эта разница, как назло, в пользу ее муженька. Как я уже говорила, ей всегда везло. Но это не может продолжаться вечно. Ей придется заплатить по счетам. Кое-какие она уже оплатила, но пока даже не догадывается об этом. И это только начало! Клянусь! Я живу этой клятвой! Я живу ненавистью. Я ее пестую и лелею. Она пахнет ванилью и корицей, как булочки, которые продавались в нашем школьном буфете. Большие корицей. Горьковатой и пряной.

* * *

– Послушай, Катя, я тебя прошу, огради мою Машку от своего оболтуса! – прямо с порога проговорила высокая стройная брюнетка с длинными прямыми волосами в распахнутом белом плаще, не раздеваясь, прошла в комнату подружки и со всего маха плюхнулась на диван.

Он раздраженно крикнул, а приподнявшаяся узкая черная юбка женщины обнажила крепкие красивой формы колени, обтянутые блестящими колготками с красноватыми искорками. Высокая грудь была полуоткрыта глубоким вырезом черного джемпера. На матовой коже серебрилась тонкая витая цепочка с восточным амулетом.

– Вера! Ну ты же знаешь, что Машка очень хорошо влияет на Андрея, – ответила хозяйка квартиры, тоже не менее эффектная брюнетка, зябко кутаясь в толстый махровый халат цвета какао, который очень красиво гармонировал с ее ореховыми глазами.

– Зато Андрей на нее влияет очень плохо! – ответила Вера, и глаза ее стали злыми и несчастными одновременно.

– В каком смысле? – растерянно спросила Катя и закусилла нижнюю губу. Она знала, что может ответить подруга, и не хотела этого слышать.

– В прямом. Я ехала в автобусе и видела, как они шли по улице в обнимку и прикладывались по очереди к одной бутылке пива «Охота» – крепкое.

– Ты будешь утверждать, что на полном ходу автобуса увидела, что пиво «Охота» не простое, а именно крепкое? – невесело улыбнулась Катя и села на диван рядом с подружкой.

Полы ее халата разъехались, и колени женщины, такие же крепкие, как у подружки, матово зарозовели здоровой кожей.

– Да, я буду это утверждать, потому что мой автобус как раз застрял в пробке, а наши детишки никуда не спешили, шли нога за ногу и после каждого глотка... – Вера поморщилась, – еще и целовались.

– Ничего удивительного. Им по семнадцать лет. – Катя попыталась сказать это как можно мягче, но Вера была настроена по-боевому.

– Знаешь, Катерина, – она повернулась к подружке лицом, перекошенным сильной душевной болью и тревогой за дочь, – я не против того, чтобы моя Машка в семнадцать лет с кем-нибудь иногда целовалась! Но только не с твоим сыночком! И ты прекрасно знаешь, почему!!!

– Вера! Когда Андрей с Машей, я спокойна! Он с ней, а не... со своими друзьями...

– Ну знаешь!!! – От возмущения Верины ноздри раздулись и затрепетали. – Всему есть предел! Я не собираюсь ради твоего спокойствия приносить в жертву собственную дочь!

– Ну почему сразу в жертву?! – У Кати на виске набухла голубая жилка и затрепетала не хуже Вериных ноздрей. – Они же нравятся друг другу! У них... любовь...

– Ой! – еще более скривилась Вера. – Вот только этого не надо мне говорить! Твой сын – малолетний алкаш! Я не хочу, чтобы он втянул в свое болото Машку! Сегодня крепкая «Охота», а завтра что? Вызов на дом бригады по прерыванию запоя?

Глаза Кати наполнились слезами.

– Вера! Мы же подруги! – напомнила она. – Всегда помогали друг другу. Неужели тебе настолько безразличен мой сын? Мы же детей растили вместе! Мне твоя Машка как дочь!

– Вот и прикинь, отдала бы ты свою дочь в лапы алкашу?

– Ну какой же Андрюшка алкаш? Вся молодежь сейчас ходит с «Охотой» или с каким-нибудь другим пивом. Теперь такой стиль... Понятно, что это никого не радует, но сбрасывать со счетов не стоит...

– Катя, передо мной-то не надо ломать комедию про стиль и прочее! – безжалостно прервала ее Вера, вытащила из сумочки сигареты и, не спрашивая разрешения, закурила прямо в комнате.

– Да... Нам приходилось вызывать специалистов по прерыванию запоя... Но это было только один раз! – Катя тонкими пальцами комкала воротник халата и не смела поднять на подругу глаза. – Он не мог остановиться, потому что слишком юн, а его напоили какой-то дрянью... Ну почему я должна тебе, моей подруге, все это объяснять, если ты и так знаешь?!!

– Вот именно, что я все знаю! И ничего объяснять мне не нужно! – Вера нервно раздавила окурок в синем блюдечке, на котором стоял горшочек с белой махровой фиалкой. – И еще я знаю, что такое, как с твоим Андрюшкой, далеко не с каждым случается. Вот наш сосед Петя: хочет – пьет, как свинья, не хочет – не пьет годами, и никаких специалистов по прерыванию запоев ему не надо! У твоего сына – явная предрасположенность к алкоголизму, и никуда от этого не денешься!

– Твоя Машка может моего сына спасти... – тихо сказала Катя, с трудом вытащив сигарету из Вериной пачки дрожащими пальцами. – Ты же знаешь, что любовь способна творить чудеса...

– Неужели? Ты еще веришь в эти сказки? – Вера, расхохотавшись, дала подруге прикурить, потом вдруг резко замолчала и впиалась своими янтарными глазами в Катини ореховые. – Вот ответь мне, Катя, как на духу! Если бы моя Машка была алкоголичкой, ты позволила бы своему Андрюшечке с ней встречаться?

Катя, не отвечая, делала уже четвертую затяжку подряд. Руки ее дрожали еще больше. Вера вытащила из пальцев подруги сигарету, отправила ее в то же фиалковое блюдечко и таким тоном гаркнула: «Ну!!!», что Катя не выдержала и разрыдалась.

Вера встала с дивана, зябко кутаясь в плащ, хотя в квартире было тепло, подошла к окну и, не поворачиваясь к Кате, сказала, как отрезала:

– В общем, как хочешь это воспринимай, но Машке я не позволю встречаться с твоим сыном. Костями лягу. Так и знай...

Она вытащила из пачки еще одну сигарету, прикурила от зажигалки, пачку бросила на колени подруге и вышла из комнаты. Когда хлопнула входная дверь, Катя пошла на кухню за спичками. Полы халата опять разошлись в стороны. Под халатом на женщине была короткая полупрозрачная сорочка, сквозь которую просвечивало здоровое, крепкое и красивое тело.

Катя чиркнула спичкой и закурила. Пальцы, держащие сигарету, были тонкими и длинными. Лицо – несчастным и злым одновременно. В своем распахнутом халате цвета какао и кремовой сорочке она очень эффектно смотрелась на фоне мрачного серого питерского неба за окном собственной квартиры.

Если бы кто-нибудь наблюдал за подругами, ни за что не смог бы сказать, которая из них лучше.

* * *

– Нет! К вам я не пойду, – повторил Андрей, нервно покусывая пухлые, красиво очерченные губы. – Последнее время тетя Вера все время злится. Я ее раздражаю.

– Не выдумывай! – Маша обняла молодого человека за шею и ласково заглянула в его ореховые, как у матери, глаза. – Мы же вместе выросли! Нас специально родили друг для друга! Это записано в Книге Судеб! Да-да! Не смейся! Именно с большой буквы: Книга Судеб! Мы вместе с рождения и до... самого конца...

– Маш! Неужели ты не видишь, что пара страниц из этой твоей книги судеб, где про нас, может, чего и написано, уже выдрана... И я думаю, не без помощи как раз тети Веры.

– Ты говоришь глупости, Андрюшка! Мама к тебе всегда хорошо относилась!

Молодой человек невесело усмехнулся и, чтобы не продолжать неприятную для него тему, привлек девушку к себе. Они целовались до тех пор, пока кто-то не потянул Андрея сзади за куртку.

– Слышь, Андрюха! – раздался тоненький детский голосок. – Тебя в беседке ждет Лысый. Сказал, чтобы ты поторопился: одна нога здесь, другая – там, а то ему ждать некогда.

– Что еще за лысый? – спросила Маша, выглянула из-за плеча Андрея и увидела за скамейкой, где они сидели, худенького парнишку с бледным голубоватым личиком.

– Он знает, – буркнул мальчишка, показав глазами на Андрея.

Тот наконец тоже обернулся к нему и сказал:

– Ладно. Доложи Лысому, что сейчас приду. Девушку только до дома провожу и приду.

Мальчишка шмыгнул носом, сунул ручонки в карманы грязных джинсов и бочком побегал к беседке в глубине двора.

– Андрей, кто такой этот лысый? Что ему от тебя надо? И вообще, какие у тебя дела с лысыми? – уже с беспокойством спросила Маша и запустила руку в густые и длинные, до плеч, волосы молодого человека.

Андрей тряхнул головой, встал со скамейки, за две руки поднял с нее девушку и, весело глядя ей в глаза, сказал:

– Лысый – это Вовка Лысаков, мой старый знакомый. Я ему пару чириков задолжал. Видишь? – и Андрей вытащил из кармана ветровки помятые десятки. – Слыхала же – долг платежом красен! Пойдем, я тебя провожу, а потом загашу должок!

Он обнял девушку за плечи и повел к подъезду ее дома. В тамбуре между дверями они еще немного поцеловались, потом Андрей шепнул Маше в ухо: «Люблю тебя, как псих!» – и вышел из подъезда во двор.

В беседке Андрея ждал не только Лысый, но и еще один толстый парень по кличке Кашалот.

– Ну что, принес? – спросил Андрея Лысый, который в пику своей кличке имел необыкновенно буйную рыжеватую растительность на голове.

– У меня пока лишь три пятьсот, – ответил тот.

– Когда будут остальные?

– Ну... не знаю... Копить надо. Я же не зарабатываю.

– А мог бы! – встрял Кашалот. – На рынке хачикам ящики потаскал бы – и все дела!

– Заткнись! – Андрей оттеснил в сторону Кашалота и обратился к Лысому: – Может, уступишь? В «Вольном стрелке» он стоит всего три тысячи сто, а я тебе три пятьсот предлагаю. А по Интернету, между прочим, можно заказать даже за две триста!

– Ну вот и иди в «Вольного стрелка», а на сдачу своей Машке еще и какую-нибудь помаду купишь, – презрительно процедил Лысый.

– Знаешь ведь, что мне не продадут!

– Пневматический «макаров» – не боевое оружие. Кому хочешь продадут. А можешь и через сеть заказать – я возражать не буду! Там такие кидалы – будьте нате! Денежки заплатишь – и тью-тью... Так что... в общем, сам понимаешь... – и Лысый сделал вид, что уходит из беседки. Кашалот тут же подобострастно повернул за ним.

Андрей встал у Вовы на пути, опять небрежно и на удивление легко отодвинул с пути мощного Кашалота и сказал:

– Хорошо. Через два дня у тебя будут все три восьмьсот. По рукам?

Лысый смерил Андрея еще одним презрительным взглядом, пару раз качнулся с носков на пятки, сплюнул себе под ноги и, будто бы нехотя, согласился:

– Ну гляди! Это последний срок! – и решительной походкой делового человека вышел из беседки.

Кашалот, естественно, отправился вслед за ним, постаравшись скопить на своем толстом лице точно такое же выражение, как у Вовы Лысого.

– Андрюха, а зачем тебе пестик? – тоненько спросил тот мальчишка, что оторвал его от Маши и вызвал к Лысому.

– А по воробьям стрелять! – улыбнулся Андрей и небожно щелкнул его по носу.

* * *

– Ну... и куда ты меня привез? – спросила женщина, выбираясь из машины и не без опаски оглядываясь.

– В лав-отель, – ответил мужчина, запирая свой автомобиль.

– Неужели в те самые «нумера»? – изумилась она и, дурачась, тихонько пропела: – «... И девочек наших ведут в кабине-е-ет!»

Мужчина не ответил, вглядываясь в сверкающую красными звездами вывеску «Погости. ги». Дорожками бегущих огоньков, тоже красных, были очерчены узкие окна, глубоко утопленные в стены. С внутренней стороны стекла были занавешены темными шторами. Отсвет мигающих красных огоньков придавал им зловеще-кровавый цвет. Здание, одноэтажное и приземистое, амёбой расползлось по мощенной узорчатой плиткой площадке и было единственным на всем пространстве, которое мог охватить глаз. Оно стояло почти на самой обочине шоссе и, похоже, раньше являло собой придорожную заезжаловку, где можно было перекусить и посетить места общего пользования. За зданием тонули во тьме какие-то регулярные посадки: то ли сады, то ли просто молодые деревца, недавно высаженные на радость глазам проезжающих по шоссе.

– А не слишком ли там красно? – спросила женщина, показывая на кровавые отсветы окон.

– Красный цвет – цвет любви, – ответил мужчина, притянул ее к себе и чересчур крепко поцеловал.

Женщине показалось, что он хорохорится, стараясь соответствовать краснотелой вывеске «Погости. ги» и кровавым окнам. Она подумала, что было бы лучше сесть обратно в машину и уехать. Если бы машина была ее, она так и сделала бы.

– Ну! Пошли! – преувеличенно бодро воскликнул мужчина, обнял свою даму за талию и повел ко входу в отель.

Женщина пропустила момент, когда еще можно было сделать шаг назад, и ей пришлось послушно идти бок о бок со своим спутником. Пройдя маленький предбанник, они почти сразу наткнулись на стойку-ресепшн со стеллажом, на котором, как в платном общественном туалете, были выставлены напоказ пачки женских прокладок, презервативов, гигиенических салфеток, упаковки мыла, зубные щетки и паста. На верхних полках, уже в отличие от туалетов, расположились баночное пиво, плитки шоколада, чипсы, сухарики, дешевое вино и пакетики разового кофе. Среди этого «великолепия» торжественно высилась единственная в своем роде бутылка армянского коньяка. Ее содержимое имело анемичный цвет спитого чая, не без остроумия именуемый петербуржцами «Белые ночи».

За стойкой никого не было. Женщина потянула мужчину за рукав, чтобы побыстрее бежать от прокладок и чипсов, но задела локтем на стойке какой-то блестящий предмет, который издал противный лязгающий звук. Женщина вздрогнула и уставилась на предмет. Он представлял собой металлическую тарелку, над которой покачивалось на тонкой опоре что-то вроде опрокинутой чашки.

Женщина еще раз, уже с интересом, дотронулась до «опрокинутой чашки». Она тут же опустилась по опоре до тарелки и издала тот самый отвратительный лязгающий звук.

Из-за двери, расположенной за стеллажом, вышли сразу двое: девушка в потрясающе короткой темно-синей юбке и в белой блузке, с трудом сходящейся на пышной груди, и амбал в военизированной форме неопределенного образца и с редкостно бугристым лысым черепом.

– Идем уже! Нечего бренчать по сто раз! – недовольным насморочным голосом сказала девушка и уселась на высокий стул за стойку. Ее грудь, эффектно расправившая блузку, оказалась перед самыми глазами новых клиентов. Очевидно, это тоже входило в антураж лав-отеля.

Амбал привалился к стене спиной и с непроницаемым лицом начал с аппетитным хрустом есть зеленое яблоко, брызгая во все стороны соком.

– Триста пятьдесят рублей в час – нижняя планка, – все так же недовольно и насморочно буркнула девушка, беззастенчиво изучая лицо мужчины. Ее уже весьма солидный опыт работы в этом заведении говорил, что этого чувака и за триста пятьдесят в час жаба задушит, но он все-таки возьмет себя в руки и непременно закажет что-нибудь еще, чтобы выглядеть перед своей дамой пошкарнее. А дама вроде ничего, статная. Не слишком еще потасканная и не юная шлюшка. Тут, видать, любовь... У него к ней... А она так... уступает почему-то... Хотя... кто их разберет, этих теток за тридцать... Да и кавалеров ихних... Может, у этой парочки вообще все наоборот?

– И что входит в эти триста пятьдесят? – в полном соответствии с тем, как его оценила девушка, спросил мужчина.

Женщина при этом подумала, что он должен был бы спросить, что входит в ту сумму, которая является верхней планкой данного заведения.

– Постель, душ, – заученно отрапортовала девушка с пышной грудью.

– Нам бы еще ужин в номер, а утром – завтрак, – вкрадчиво попросил мужчина и зачем-то добавил: – Самый простенький: кофе, выпечка...

Девушка отметила, что женщине очень не понравилось слово «простенький», но объявила цены самым бесстрастным голосом (какое ей дело до заморочек клиентов!):

– Ужин на двоих – пятьсот, завтрак – триста.

Мужчина кивнул. Его спутница отвернулась в сторону стеллажа и стала с большим увлечением разглядывать чипсы и баночное пиво. Девушке кивок мужчины показался жалким, и она решила «развести» этого жмота по полной программе.

– Еще могу предложить спецжурналы, спецкассеты, спецприспособления, интимную косметику и прочее. Вот преysкурant, – сказала она и разложила на стойке глянцевые листы.

– Нет-нет! – Мужчина торопливо и испуганно заслонился рукой от интимной косметики и спецприспособлений. – Нам ничего такого не надо... Мы просто опоздали на поезд... и вот... Надо же где-то переночевать!

Девушка подумала, что с таким же успехом он мог бы впаривать ей про трансатлантический лайнер или космический корабль, но все с той же тренированной бесстрастной интонацией продолжила:

– Тогда можно цветы даме и косметику фирм «Avon» и «Faberlic», а также хорошее крымское вино.

Женщина смотрела на своего спутника во все глаза и ждала, что он ответит. Мужчина пожегся под ее немигающим взглядом и опять заискивающе спросил:

– Какое у вас вино?

– Самое лучшее – «Мадера» с оригинальной ореховой нотой. Восемьсот пятьдесят – 0,75 литра.

Обе женщины поняли, что мужчина судорожно подсчитывает в уме собственную наличность, и ее количество его явно не радует. Но тем не менее под их ироничными взглядами он вынужден был согласиться на восемьсот пятьдесят рублей:

– Х-хорош-шо... – не без труда выговорил он. – Давайте «Мадеру».

– Ну тогда уж и розы даме! – обворожительно улыбнулась девушка, и на ее блузке призывно расстегнулась пуговка.

– Сколько? – растерянно спросил мужчина и похлопал себя по карманам, теперь уже наощупь проверяя, хватит ли у него денег.

– Сто пятьдесят рублей штука. – Девушка перевела глаза на женщину и спросила ее: – Вам три или пять?

– Семь, – ответила та, и девушка мысленно поаплодировала ей.

– Но это же грабеж! – не выдержал мужчина. – В городе можно купить красивые розы по восемьдесят рублей штука! А то и за пятьдесят!

– Здесь вам не город, – развела руками девушка и не смогла удержаться, чтобы не съязвить: – Я вообще никак не пойму, с какого вокзала вас к нам занесло! До Питера – аж пятнадцать километров.

– И вы этим пользуетесь! – У мужчины посреди лба вспухла крупная жила, и девушка подумала, что она переборщила.

– Мы не пользуемся, – как можно мягче сказала она. – Мы предлагаем. Вы всегда можете отказаться.

Амбалу с эксклюзивным черепом, успевшему за это время сжевать два яблока, видимо, не понравилось, что девушка дала обратный ход.

– Ночью, на шоссе, за пятнадцать километров от Питера, вы нигде не сможете купить розы дешевле, – сказал он, положил на стойку тяжелые коричневые кулаки, и мужчина тут же догадался, что розы лучше взять.

Женщине опять захотелось уйти, но она снова опоздала. Всего на минуту. Ледяным тоном ее спутник начал перечислять все, за что собирался заплатить:

– Итак: номер до утра, ужин с... этой вашей «Мадерой», завтрак в 7.00 и... розы... штуки три...

– Штуки три или три штуки? – решил уточнить амбал и угрожающе почесал шишковатый лоб. – Это разные вещи!

– Три штуки! – ответил мужчина и, поскольку денежных знаков на четыре погребальные розы у него уже не хватало, самым бесстрашным образом взглянул амбалу в глаза и мысленно даже пересчитал его лобовые шишки.

Теперь уже девушка (тоже мысленно) поаплодировала мужчине, отстучала на кассовом аппарате нужную сумму и положила перед ним чек. Мужчина достал элегантное черное портмоне, в котором просто обязаны были водиться суммы, способные оплатить сервис пятизвездочных отелей, которые не чета «Погости. ги», и выложил на стойку деньги. Тютелька в түтельку. Без всяких чаевых.

Девушка в большой задумчивости сняла со стенда пластиковую грушу с номером пятнадцать. На ней болтался ключ с жалкой, почти квадратной бородкой без всяких бороздок и выемок.

– Он, случайно, не от шкафа? – усмехнулась женщина.

– Номера, конечно, небольшие, но вы поместитесь – это точно! – не обиделась девушка и рядом с ключом поставила бутылку «Мадеры».

Женщина взяла ее в руки и рассмотрела. Вино действительно было крымским. По крайней мере по этикетке. Такую «Мадеру» она уже как-то пробовала в гостях у любителя и знатока подобных вин. Красная цена этому вину была рублей сто десять – сто тридцать.

Пока клиентка разглядывала бутылку, девушка не менее придирчиво разглядывала ее кавалера. Как же она так промахнулась? Мужик-то не бедняк! Она теперь ясно видела, что на нем дорогая куртка, а в руках – щегольской кейс из мягкой кожи. Черт бы побрал эти красные лампы! Они так искажают действительность! Сколько раз она уже говорила, что стойка должна быть хорошо освещена! Вот пожалуйста! Крымскую «Мадеру» мужику втюхали, а надо было – французский коньяк! Заплатил бы – никуда не делся! Его дама сверкнула бы глазками – он и заплатил бы!

Между тем женщина небрежно сунула бутылку под мышку, взяла со стойки ключ от «апартаментов» № 15 и, не оглядываясь, пошла по коридору, который тоже освещался гирляндами красных мерцающих лампочек-миньонов. Через минуту спутник почти догнал ее. Раздосадованная девушка у стойки провожала их взглядом.

Женщина ее взгляда не почувствовала. Она обернулась на знакомые шаги. Мужчина шел за ней, осторожно держа за стебли три темные розы и довольно улыбаясь. В отличие от «Мадеры» розы стоили своих денег. Женщина почувствовала, как и у нее слегка поднялось настроение. Она вставила ключ в скважину замка и осторожно повернула.

В комнате было темно. Сквозь плотные шторы слегка пробивался красный свет бегущих со стороны улицы огоньков. Женщина привычным жестом пошарила рукой по стене, но выключателя так и не отыскала. Мужчина шагнул к огромной и какой-то толстой кровати, занимающей почти всю комнату, и щелкнул выключателем за ее изголовьем. Женщина поняла, что он уже бывал если и не в этом, то в подобных отелях.

В комнате вспыхнули светильники, расположенные с двух сторон от кровати над крохотными тумбочками. Женщина досадливо поморщилась. Светильники имели вид двух отвлеченно пузатых сердец и опять-таки были ярко-красного цвета.

– У меня такое впечатление, – сказала она мужчине, – что мы сейчас с тобой станем дедовским способом печатать фотографии. У меня в детстве был очень хороший фотоаппарат «Зенит». Я печатала фотки, закрывшись в ванной комнате как раз с красным фонарем.

– Сейчас красные фонари означают совсем другое, – буркнул мужчина и присел на кровать.

Женщина заметила на ней две декоративные подушки. Опять красные и тоже в форме сердец. Она хотела сказать своему мужчине, что «Погости. ги», куда он ее совершенно напрасно привез, не имеет себе равных в вульгарности интерьеров, но в этот момент дверь номера открылась без предварительного стука, от хорошего пинка. Все тот же лысый амбал в странной воензированной форме вкатил сервировочный столик с тарелками, накрытыми металлическими крышками, и бесшумно исчез в коридоре, аккуратно и тихо прикрыв за собой дверь. Женщина подумала, что этот амбал в своем отеле и швец, и жнец, и на дуде игрец. Скорее всего, они с девушкой являются владельцами этой гостиницы, из экономии совмещающими в своих лицах функции всех возможных служащих заведения.

Она подошла к стоящему посередине номера столику на колесиках и приподняла за шишковатые ручки крышки обеих тарелок. В красном свете, источаемом пузатыми сердцами и миньонами на окнах, совершенно невозможно было определить, что на них лежало. Больше всего их содержимое напоминало мелко наструганное сырое мясо, рядом с которым лежало два бурых куска, напоминающих сгнившие сардельки.

– ЭТО я есть не буду, – очень выразительно сказала женщина и протянула мужчине бутылку. – Открой. Не бог весть что, но пить можно. Я как-то пробовала такое вино.

– Конечно же открою, – согласился мужчина, но бутылку не взял. Он подошел к сервировочному столику, схватил с тарелки прямо рукой одну из сгнивших сарделек и со вкусом откусил.

Женщина брезгливо отпрянула. Ей казалось, что прямо в нее должна была ударить струя зловонного сока.

– Глупая, – рассмеялся мужчина, – это же люля-кебаб. У них хорошо готовят это блюдо.

– Ты здесь уже бывал, – констатировала женщина.

– А я никогда и не говорил тебе, что святой.

– А я никогда и не подозревала тебя в святости.

Она снова подошла к столику, наклонилась к тарелкам и втянула носом воздух. Пахло мясом, специями и кетчупом.

– А это что? – она показала пальцем на кровавый гарнир к люля.

– Думаю, это банальная жареная картошка.

– В этом «Погости. ги» все ненормальные! Разве можно кормить клиентов пищей при красном свете? Их люля выглядит гнилой колбасой, а жареная картошка – ужином графа Дракулы.

– А ты не рассуждай, а попробуй, – рассмеялся мужчина.

Они придвинули столик к постели и начали есть. Руками. Столовые приборы лежали рядом, завернутые в салфетки, разумеется, тоже красного цвета и с розовыми сердечками по всему полю. Но в предложенных обстоятельствах есть надо было именно руками, чтобы по ним тек жир и кетчуп, чтобы слизывать его языком и хохотать, а потом целоваться жгучими от пряностей губами и полностью соответствовать вульгарно-красному гостиничному интерьеру.

Мужчина и женщина выпили бутылку «Мадеры». Розы вяли рядом на постели, потому что их забыли поставить в воду. Да и где та вода? Да и зачем она нужна? Все в этом «Погости. ги» надо делать по-особенному, с вывертом, с расхристанностью и разнузданностью. Иначе зачем существуют подобные отели? И зачем они отказались от спецжурналов? Каждому ясно, что означает это невинное словцо «спец»!

Женщине стало смешно, она засмеялась и откинулась на постели прямо на одно из красных сердец, которое упруго спружинило. Женщине это показалось забавным, и она еще несколько раз привставала, снова откидывалась на подушку и смеялась. Мужчина улыбнулся тоже. Он уже забыл про то, как только что жалко подсчитывал в уме свои деньги. Ему все-таки хватило на самое главное! Они погостят в этом «Погости. ги»! Так погостят, что чертям станет жарко и... красно!

– Твой муж никогда не узнает об этом, – шепнул женщине мужчина, когда они уже лежали рядом на смятом белье, взмокшие от любви и лоснящиеся-краснокожие в свете красных фонарей.

– Про него – не скажу, а твоя жена, по-моему, уже догадывается, – сказала женщина.

– Брось! Ей такое даже не может прийти в голову.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что мы с вами дружим домами уже больше восемнадцати лет.

– Она тебе надоела?

– Не знаю... Нет... Она не может надоесть...

– Почему?

– Знаешь, мне иногда кажется, что она меня не любит.

– И что?

– И... хочется ее заслужить... что ли... хочется доказать, что я – очень даже ничего себе мужчина, хочется, чтобы полюбила...

Женщина повернула к нему голову, с удивлением заглянула в глаза и спросила:

– Зачем же тогда я? Не понимаю...

- Тебе и незачем понимать. – Он чмокнул ее в нос. – Ты – это другое...
- Какое еще другое?
- Ты – допинг! Адреналин! Ты – ей в пику! Назло!
- И у тебя хватает совести мне говорить об этом! – расхохоталась женщина. – И это вместо того, чтобы клясться в безумной любви!
- Вообще-то... я уже пару раз кое в чем клялся, но ты должным образом не среагировала, и я перестал... Тем более что и ты никогда не клянешься мне в безумной любви, что, конечно, несколько снижает остроту ощущений.
- А если поклянусь?
- Мужчина посмотрел в веселые глаза женщины очень серьезно и сказал:
- Ты ведь этого не сделаешь... Зачем дразнишь как мальчишку?
- Так... Сама не знаю... – Женщина взяла со столика бутылку, выпила из нее оставшиеся капли вина и спросила: – А разоблачения ты не боишься? И сколько веревочке ни виться...
- Честно говоря... боюсь, но в этом-то и весь смак! Бояться и – делать! Нервы на пределе! Чувства на надрыве! Тело прямо болит и рвется на куски!
- Слушай, а может, тебе заняться каким-нибудь экстремальным видом спорта? Альпинизмом, например? Или серфингом... хотя, если честно, я не знаю, что это такое...
- Только если с тобой вместе! Секс на Эвересте! Это кое-что! А серфинг – это катание на досках по волнам прибоя.
- Так, может, тебе на волны?
- Нет уж! Тогда лучше прямо под них! Слыхала про новое увлечение людей, замученных избытком досуга, фридайвинг называется?
- Нет. А что это?
- Это ныряние без акваланга.
- Совсем с ума посходили! Зачем же без акваланга?
- Говорят, только тот, кто не дышал, способен ощутить всю радость бытия, заключенную в одном глотке воздуха. Ты – мой глоток воздуха!
- Женщина засмеялась:
- Правильно ли я понимаю, что твоя жизнь вне этих дурацких лав-отелей – сплошной фридайвинг?
- Что-то в этом роде, – опять очень серьезно сказал мужчина.
- Женщина посмотрела на него с недоверием и спросила:
- Слушай, а ты сейчас мог бы мне купить пятьсот роз по сто пятьдесят рублей штука? Эти, видишь, завяли!
- Честно говоря, кошелек у меня уже абсолютно пуст... Я же из командировки. Все извел. Никак не ожидал, что сегодня увидимся. Позвонил так... на всякий случай... Чуть со стыда не сгорел, когда расплачивался. Думаю, еще чуть-чуть и все! Не хватит! А девка, как специально, подначивает! По глазам было видно, что она меня за душного козла держит.
- А ты не душной?
- А то ты меня не знаешь! Вот если бы сейчас явился этот... в форме, с шишками на лбу, и потребовал еще раз расплатиться, то я вместо денег... отдал бы за тебя жизнь...
- А если бы он не взял?
- Ну и черт с ним! Значит, я остался бы жить! Больше с меня все равно нечего взять!
- Она засмеялась. Ей не нужна его жизнь. И розы не нужны. Она отдается ему в этом красном отеле как самая дешевая проститутка только потому, что так хочет. Она уже один раз принесла себя в жертву. Хватит. Конечно, то, что сейчас происходит между ними в этом красном лав-отеле, всего лишь суррогат любви, но... с другой стороны, все зависит от того, с какой стороны на это дело посмотреть и как себя настроить. Она научилась себя настраивать и в такие дни бывала почти счастлива. Нет... Не так... Не счастлива... а так же, как и лежащий рядом

мужчина, – на адреналине! Они оба ежедневно существуют в состоянии сжатых пружин. И только здесь, в таких отелях, тяжелая рука, сжимающая пружины, отпускает их на волю. Они распрямляются, и в воздухе всю ночь стоит металлический звон двух колеблющихся резонирующих витых прутков...

* * *

– Мне она никогда не нравилась, – сказал Кате ее муж Валентин и протянул пустую тарелку. – Добавь-ка еще щец! Отменные получились!

Катя налила мужу еще два половника свежих щей и села рядом с ним за стол.

– Что-то я раньше этого не замечала, – сказала она. – Мне всегда казалось, что Машка Кудрявцева тебе нравится.

– Ну... так-то она мне, конечно, нравится... – Валентин пробормотал это с плотно набитым хлебом ртом и положил в щи столько сметаны, что Катя пожалела явно испорченное блюдо, – как дочь... наших друзей... Я к ней привык, но... как... девушку Андрюшки – никогда не рассматривал. Можно найти и получше.

– От добра добра не ищут.

– Ну... если с этой точки зрения... то конечно... – Валентин лениво жевал слова вместе с капустой и хлебом, и Катя чувствовала, что ему совершенно не хочется говорить об этом.

– Ты равнодушен к собственному сыну?

– Ну... почему сразу равнодушен? Мне просто кажется, что наш сын... может... как это говорится-то?... В общем, он может найти себе лучшую партию! Он далеко не дурак и собой, по-моему, хорош... Девушкам такие должны нравиться...

– Валь! Вера называет Андрюшку алкашом. Но он же не алкаш, ведь правда? – Катя с большой надеждой посмотрела на мужа, проигнорировав его замечания о сыновних достоинствах. – Такое с каждым мужчиной может случиться, когда он... ну... вступает во взрослую жизнь... по неопытности... Верно?

– Ну-у-у-у... – Валентин тянул «у» до тех пор, пока звук сам собой окончательно не увяз в глубинах его речевого аппарата. – Вообще-то я тебе скажу, что не с каждым такое бывает. Вот возьмем меня. У меня никогда не было запоев. Даже, понимаешь, в юности...

– Ну, ты прямо как Вера со своим соседом Петром! Неужели тоже записал мальчишку в алкоголики? Он же твой сын!

– Да... он мой сын... – задумчиво произнес Валентин и намазал горчицей сушку.

Катя отняла у него только что изобретенный деликатес, бросила его в контейнер для мусора и сказала:

– Не валяй дурака, Валентин! Машка на Андрея очень хорошо влияет. И я, представь, рада, что они целуются!

– Как целуются?

– Так! Как все влюбленные! – рассмеялась Катя.

– Какие еще влюбленные?

– Да что в этом удивительного? У них такой возраст! И чем решительнее Вера будет запрещать им встречаться, тем меньше в этом преуспеет. Запретный плод всегда сладок.

– А Вера, значит, запрещает? – задумчиво проговорил Валентин.

– Валь, да ты что, не слушал меня, что ли? Я тебе уже который раз говорю, что Кудрявцева считает Андрюшку алкоголиком и поэтому не разрешает Машке с ним встречаться. Глупость, да?

– Ну... почему... Веру как раз можно понять... и я думаю, что Андрея надо убедить оставить девочку в покое!

– Но почему? – Катя уже разозлилась на мужа до предела. Ну можно ли быть таким бесчувственным!

– Катерина! Вспомни классику! – Валентин наконец тоже разволновался, что бывало с ним крайне редко, и даже вскочил со стула. – Ты же знаешь, что бывает, когда родители против! Нет повести печальнее на свете... ну... и дальше по тексту... Ты этого хочешь, да?

– Но против-то одна Вера! Я даже со Славкой разговаривала. У него никаких претензий к нашему сыну нет.

– Славка – Славкой! Но если за дело взялась Вера, то она ни перед чем не остановится. Ты же ее знаешь лучше меня! Она настроит детям таких препятствий и преград, что они от безысходности с большим удовольствием на пару отравятся.

– Валь! Ну что ты такое говоришь! – Катя укоризненно взглянула на мужа.

– Я дело говорю! – ответил он. – Надо срочно Андрюху переориентировать! Знаешь, у нашего юриста есть дочка! Ксюха! Хорошенькая – страсть! Надо Андрея с ней познакомить! И чем скорее, тем лучше!

Валентин с сосредоточенным лицом вышел из кухни, отказавшись от второго, а Катя стала вспоминать, как месяц назад Андрей явился домой очень поздно и совершенно в непотребном состоянии. Он тоже отказался от любимого пюре с котлетами, лег на свою тахту, очень громко и страшно фальшиво спел песню Высоцкого «Если друг оказался вдруг и не друг и не враг, а так...» и почти сразу забылся тяжелым беспокойным сном. Он без конца просыпался, порывался куда-то идти, что-то бессвязно бормотал и отвратительно сквернословил. Часа в три ночи сын наконец утомился, и измученные родители тоже смогли чуть-чуть подремать перед работой, просыпаясь и дергаясь от каждого его резкого крика.

Следующим вечером Андрей явился домой еще позже, чем накануне, и в состоянии уже абсолютно невменяемом. Он ничком рухнул на пол прямо в коридоре, и было непонятно, как он вообще дошел до квартиры и как умудрился открыть ключом дверь.

Катя с Валентином в четыре руки перетаскивали сына на тахту, и на этот раз их бдение у дверей его комнаты продолжалось до самого утра. Утром ни о какой школе не могло идти речи. Андрей совершенно не протрезвел. Родителям показалось, что его состояние к утру стало гораздо хуже, чем в тот момент, когда он ночью явился домой.

Валентин вызвал к сыну врача из наркологического центра. Явилась бригада специалистов по прерыванию запоев на дому. В Андрея вогнали содержимое огромной капельницы с дьявольской смесью препаратов, и он заснул мертвым сном почти на сутки. Молодой симпатичный врач посоветовал родителям привести к ним в центр очнувшегося сына, но, придя в себя, Андрей от этого наотрез отказался. Так же наотрез он отказался объяснять Кате с Валентином, что с ним произошло.

Катя потрясла перед его носом объемистой миской, в которую были свалены ампулы и бутылочки от лекарств, которые пришлось ему ввести в вену, но почему-то большого впечатления на Андрея они не произвели.

– Я же сказал: этого больше не повторится, – угрюмо бросил он, и больше ни одного слова родители не сумели из него вытянуть.

Теперь Катя жалела, что рассказала об этом Вере. Слишком уж она тогда была переполнена этим неординарным событием. Ей хотелось участия и сочувствия. В тот момент подруга в полной мере предоставила ей и сочувствие и участие, но теперь препятствовала встречам детей. А Машка Кудрявцева Кате нравилась. Девушка не была красавицей. Она была высокой, в родителей, но все равно трогательной: худенькой, прозрачной, с огромными и очень темными глазами, в отличие от Веры, глаза которой напоминали по цвету прозрачный медовый янтарь. Маша больше походила на отца – яркого темноглазого брюнета Славу.

Восемнадцать Андрею будет только через год, да и Машке – тоже, спустя месяц после него. Жениться, конечно, рановато, но она, Катя, ничего не имела бы против, если бы дети

приняли такое решение. С Машей Кудрявцевой ее сын будет счастлив. И никаких посторонних Ксюх им и на дух не надо!

* * *

– Они будут встречаться только через мой труп! – сказала Вера и взялась за голубые пижамные брючки.

Слава залюбовался ее сильным розовым телом, улыбнулся и сказал совершенно невпопад:

– Я никогда не понимал, зачем женщинам ночью нужны пижамы? Ночные рубашки – еще куда ни шло, но пижамы – это же настоящее извращение! – И он потянул на себя брючки жены.

Вера от неожиданности выпустила их из рук и осталась стоять перед ним обнаженной, но сосредоточенной совершенно не на том, на чем ему хотелось бы.

– Ты слышал, что я тебе сказала? – спросила Вера.

– Я слушаю это уже целый вечер, – ответил Слава, спрятал под подушку вслед за брючками заодно и пижамную кофточку, приблизился к жене и провел рукой по ее тугому и гладкому животу.

Вера раздраженно отбросила от себя руку мужа, села на постель и опять принялась говорить о том, что беспокоило ее целый день:

– Я не понимаю, как ты можешь оставаться таким спокойным, когда твоя дочь, как загнилотизированная, идет в пасть к алкоголику!

– Брось, Вера! Какой Андрюшка алкоголик! – Слава беспечно отмахнулся. В данный момент его гораздо больше занимали тяжелые, но все еще красивой формы груди жены с нежно-розовыми, как у девушки, сосками. – Пацан он совсем! Ну, вляпался раз! С кем не бывает? Если б ты знала, как nepoтpeбнo я надрался на собственном выпускном! – Кудрявцев протянул руки к жене и особенным интимным голосом сказал: – Иди лучше ко мне, а, Верусь!

Вера легла сверху на одеяло. Она хотела забыться под ласками мужа, но не испытала в этот вечер никакого удовольствия. Она представляла собственную дочь в такой же позе перед Андреем Корзуном, и у нее перехватывало горло.

* * *

Вова Лысый пересчитал деньги и аккуратно убрал их во внутренний карман камуфляжной куртки, потом покопался в другом и вытащил из него картонную коробку, где уютно устроился пневматический пистолет Макарова Ижевского механического завода.

– Теперь уже выпускают и в пластиковых футлярах, – сказал он, – но эта картонка на качество и надежность не влияет. Это я тебе говорю!

Андрей осторожно вытащил из бумажного складня вороненую тушку пистолета, которая сразу очень ловко легла в руку. Наверно, у каждого мужчины заходит сердце, когда он впервые берет в руки оружие. Что-то екнуло и в груди у Андрея. Он сразу почувствовал себя взрослее и значительнее.

– Слышь, Лысый! А в чем разница с боевым? – спросил он новым, незнакомым для себя голосом настоящего мужчины.

– Ну... даешь! Пневматика – и есть пневматика! Пороха нет! Сжатый газ! Но внешне – почти ничем не отличаются. – Лысый забрал у Андрея пистолет и начал показывать. – Вот видишь, тут особая маркировка на затворе – «MP-654K Cal.4,5 mm». Это калибр... в общем, диаметр канала ствола... ну... и шариков тоже. А у настоящего «макарыча» – 9 мм. А на дне магазина, вот тут... видишь такая штука – антабка называется... Она скрывает зажимной винт баллончика с газом.

Андрей не очень понял про антабку, но переспросить постеснялся. Решил, что потом лучше в Интернете посмотрит. А Лысый между тем продолжал:

– Да и вообще у него все, как у настоящего пистолета. Гляди – вот так можно отвести затвор назад и поставить на задвижку. А можно даже отделить от рамки.

Андрей с завистью следил, как ловко Лысый обращался с пистолетом, уверенно сыпал терминами и названиями.

– Прицел состоит из неподвижной мушки и целика. Вот видишь, он регулируется по горизонтали. Стрельбу можно вести как самовзводом, так и с предварительным взведением курка, – заливался соловьем Вова Лысый. Чувствовалось, что ему здорово нравилось рассказывать о пистолете. – Такой вот у него классный ударно-спусковой механизм! А кассета для шариков расположена в рукоятке. Тут же и баллончик со сжатым газом. В паспорте указано, что кассета вмещает тринадцать шариков, но это так... перестраховка! Туда запросто входит и четырнадцатый! Чтобы, значит, не ходить с «чертовой дюжиной» в кармане! Ну... в общем... держи! Владей, значит!

Андрей принял в ладонь «макарова» и снова подивился тому, как он ловко устроился в его руке.

– А стрелять поначалу лучше всего в какую-нибудь картонную коробку, – опять принялся наставлять его Лысый. – Например, от обуви. Нужно набить ее газетами и журналами, а сверху прилепить мишень. Думаю, нарисуешь! Смогешь!

– Зачем коробка-то? Можно, наверно, мишень приклеить на дощечку, – решил проявить сообразительность Андрей.

– Да? А шарики потом кто тебе будет искать? У меня пулеуловителя нет. А из коробки шарики потом запросто можно достать магнитом. А можно и просто руками, не развалишься.

Вова раскрыл свою спортивную сумку и выставил на подоконник заброшенного банно-прачечного комбината четыре бутылки от пива «Сокол» с длинными горлышками, отсчитал двадцать шагов и вынул свой пистолет.

– Учись, студент! – сказал он. – Когда станешь вот так же сбивать горла с бутылок – пойдешь на охоту! Пока будешь промахиваться, с собой не возьму! Тренируйся, как я сказал, на коробках для обуви или... – Лысый хохотнул, – на кошках!

Выстрелы показались Андрею оглушительными. Еще ему казалось, что сейчас завоет сирена и из-за полуразрушенного угла комбината выедет милицкий наряд. Но никто ниоткуда не выехал. Лысый сбил горлышки с трех бутылок, а одна разлетелась в мелкие брызги.

– Теперь ты, – приказал он и поставил на ограду еще одну пивную бутылку.

Андрей еще раз полюбовался гладкими черными боками своего «макарова», старательно прицелился и нажал на курок. Руку резко отбросило в сторону. Бутылка осталась стоять на подоконнике целой и невредимой. Андрей растерянно посмотрел на Лысого. Тот презрительно скривился и сказал:

– А ты думал это такое легкое дело: придешь и всех постреляешь? Ни хрена! Это тебе не с Машкой целоваться! Это, если хочешь знать, вообще не каждому дано! Гляди, как надо! – И Лысый опять ловко отбил горлышко пивной бутылки.

– И сколько же ты тренировался, чтобы так? – спросил Андрей.

– Да... немного... – махнул рукой Лысый. – Я как взял пистолет в руки, сразу понял – мое! Но, чтобы бить точно в цель, месячишко мне понадобился. Каждый день стрелял. Столько шариков извел – ужас! Честно говоря, поначалу и в коробку не попадал! А потом этих коробок с газетами штук десять измочалил! Мамаша вопила – страсть! Каких-то коробок ей жаль, прикинь!

– Месяц – это много... – Андрей Корзун будто и не услышал про количество коробок и жадную до них мамашу Вовы Лысого.

– А ты куда спешишь, Андрюха? Что задумал-то? Может, поделишься?

– Это мое личное дело, – буркнул Андрей.
– Ну, гляди... Не вляпайся. Оружие, конечно, не боевое, но стальные шарики могут тоже так поранить – будьте-нате! Парняге из соседнего двора руку прострелили – в больнице лежал!
– А шарики? Если вдруг все исстреляю и не найду. Тогда что?
– Договоримся! Не бойсь! – Лысый снисходительно потрепал Андрея по плечу. – Были бы деньги, а шарики найдутся!

* * *

– Андрей, давай поговорим. – Катя положила руку сыну на плечо и с тревогой заглянула в глаза.
– О чем? – сразу насторожившись, спросил Андрей.
– Сядь, – Катя показала ему на диван.
– Мам! Ну к чему такие торжественные приготовления? Давай я тебе стоя все расскажу. Что тебя интересует?
– Меня беспокоит, где ты опять пропадаешь вечерами. Ты поссорился с Машей?
– С чего ты взяла?
– Она звонит. Тебя нет. Я не знаю, что ей говорить... Она может подумать, что ты ее избегаешь, а я на твоей стороне.
– А ты на чьей стороне? – как-то недобро ухмыльнулся Андрей.
– Разумеется, я на вашей с Машей стороне! Я хочу, чтобы вы... дружили...
– Мам! Нам не по десять лет!
Катины щеки залила краска, но она заставила себя ответить честно:
– Ну... если вы полюбите друг друга... то... словом, я буду этому только рада.
– Да? – удивился Андрей. – А тетя Вера почему-то не рада. Кстати, мам, ты не знаешь, за что она меня ненавидит?
– Не преувеличивай, пожалуйста. – Катя передернула плечами и, чтобы не продолжать эту скользкую тему, решительно перешла к другому вопросу: – И вообще! Я последнее время совсем не вижу тебя дома за уроками. Скоро выпускные экзамены! Чем ты занимаешься, Андрюша?
– Ничем таким, о чем тебе стоило бы беспокоиться! – слишком поспешно ответил он.
– И все-таки?
– Ну... гуляю... с друзьями...
– Андрей! – надрывно крикнула Катя. – У тебя появились очень плохие друзья! Они чуть не довели тебя...
– Мама! У меня нормальные друзья! И уроки я делаю! Не беспокойся! Скоро, между прочим, родительское собрание... кажется... в эту пятницу. Вот все про меня и узнаешь!
Андрей посмотрел исподлобья на мать совершенно не понравившимся ей взглядом и вылетел в коридор. Через минуту хлопнула входная дверь. Сын ушел. Катя бросила взгляд на часы. 22.15. И почему надо гулять именно по ночам?

* * *

Антон Зданевич вышел в отставку и вернулся к родителям в Питер.
После школы, отказавшись от поступления в институт, он в первый же осенний призыв пошел в армию, и был отправлен под Хабаровск. Служилось ему неплохо, и он решил не демобилизовываться: остался на сверхсрочную. Он, пожалуй, служил бы и до самой пенсии, если бы не язва желудка. Она периодически открывалась и укладывала Антона в госпиталь. В конце концов на больничной койке он начал проводить времени гораздо больше, чем в воинской

части. Он решил не дожидаться, когда его комиссуют, и сам вышел в отставку по состоянию здоровья.

В Петербурге Антон не появлялся более восемнадцати лет. Собственно, он и уезжал-то не из Петербурга, а из Ленинграда. Конечно, у него случались отпуска, как и у всех нормальных людей, но в родной город с новым названием его не тянуло. Родители обижались, но он отговаривался тем, что на поезде от Хабаровска ехать надо около недели, да еще с пересадкой в Москве или Омске. А если лететь самолетом – по миру пойдешь: слишком дорогие билеты. По этой же причине родители к нему тоже не приезжали. Восемнадцать лет они обменивались письмами, фотографиями и изредка разговаривали по телефону.

Зданевич был женат на медсестре воинской части, что неудивительно при его мужской привлекательности и состоянии здоровья, требующего частых посещений медсанчасти. Язва образовалась почти сразу, как он попал на Дальний Восток. Видимо, организм никак не мог приспособиться к смене климата и, главное, воды.

Миленькая кудрявая Оленька ставила Антону бесконечные уколы и в конце концов так влюбилась в слабого желудком пациента, что отдалась ему прямо в процедурном кабинете. Перед этим она бросала на него такие недвусмысленные взгляды, что Зданевич все правильно понял и должным образом среагировал.

Женился он на Оленьке, когда остался на сверхсрочную. Молодой семье несказанно повезло, потому что как раз перед их свадьбой на территории воинской части в одном из облупленных одноэтажных домов барачного типа освободились две небольшие комнаты, да еще и с отдельным входом. Оленька сразу родила сына Генку, а через три года – дочку – толстую смешную Люську.

Если бы кто-нибудь спросил Зданевича, любит ли он свою жену, он, не задумываясь, сказал бы: «Конечно». Никаких особо изощренных любовных признаний сама Ольга никогда ему не делала и от него ничего особенного не требовала. После близости в процедурном кабинете все было понятно само собой. Они должны были пожениться и сделали это. Став женой, Ольга вообще перестала в чем-либо сомневаться, и слова любви окончательно отмерли за ненадобностью. Жене Зданевича было достаточно того, что муж всегда рядом, что у них общие дети.

В юности Оленька была очень хорошенькой: длинноволосой, кудрявой, с чистым нежным лицом и крепенькой, но стройной фигуркой. После рождения Люськи она сильно растолстела, но все равно осталась очень привлекательной – эдакой обаятельной толстушкой. Мужчины всегда замечали ее и оказывали должные знаки внимания, а потому жена Антона не испытывала никаких комплексов по поводу своей пышнотелости. Зданевич – тоже не испытывал. Оленька ему нравилась.

Пока супруги жили под Хабаровском, Антон не вспоминал свою прошлую жизнь в Северной столице. Той жизни как бы и не существовало, а Ольга и дети, напротив, были всегда.

В Петербург Зданевич приехал один. У него не было никакой гражданской специальности, и он хотел для начала осмотреться, найти работу и только потом тащить через всю страну семью.

Город, в котором Антон родился, поразил его уже на вокзале. В зале ожидания вместо хрестоматийного бюста В.И.Ленина стоял, насупивши брови, суровый Петр. По сторонам зала лепились бесчисленные магазинчики, ресторанчики и бистро. Магазинчики пестрели импортными товарами и кричаще яркими сувенирами. В одном из киосков Зданевича особенно поразила запаянная металлическая банка, по размеру тянувшая на советский «Завтрак туриста», которая содержала в себе консервированный «Воздух Санкт-Петербурга». На ценнике стояла внушительная сумма в триста семьдесят рублей. Антон присвистнул и вместо питерских консервов нового образца купил Люське смешного бегемотика с розовыми атласными боками. Девчонки сейчас обожают вешать на свои школьные сумки маленькие мягкие игрушки.

Из бистро тоже тянуло западным сервисом. Зданевич хотел перекусить, но, взглянув на пирожок-с-ноготок, ценою в восемнадцать рублей, быстренько вышел из заведения. Это ж сколько таких надо съесть...

В общем, зал ожидания стал чужим. Чужим оказалось и метро: жуткие очереди за жетонами, навязчивая удушающая реклама и опять всюду, всюду, всюду – лавки, киоски... Товар, товар, товар, как правило, кричаще-вульгарный, хотя, по мнению Антона, и недешевый. Зданевичу казалось, что обнаженные женские тела готовы выскочить с лоснящихся обложек журналов и начать вокруг него бесконечный хоровод, стоит только игриво подмигнуть одной из этих красоток. Антон не был уверен, что не поддастся бы искушению, но подошла электричка, и он, так и не подмигнув, вошел в вагон.

Народу в электричке почему-то было немного. Наверно, пока он глазел на лавки, бутики и голых журнальных баб, все пассажиры, которые на Московском вокзале выгрузились вместе с ним из одного поезда, уже давно уехали в предыдущих электричках. На станции «Гостинный двор» Антону надо было перейти на другую ветку. В центре города народу в метро резко прибавилось, и он двигался в плотной толпе вслед за девушкой с торчащими во все стороны ультрачерными волосами. В электричке девушка уселась на диванчик напротив Зданевича, и он смог как следует разглядеть ее в небольшой просвет между стоящими пассажирами.

Ей было не больше двадцати, а накрашена она была так демонически, что у провинциала Антона сами собой полезли вверх брови. Ее блестящая помада была почти черной. Черными были и ногти, которыми она элегантно нажимала кнопки сотового телефона, видимо, играя в какую-то игру. Перегон от станции к станции был длинным. Девушку укачивало. Голова ее несколько раз откидывалась назад, но усилием воли юная особа возвращала ее в исходное положение, не без труда разлепляя серебряные веки с жестяными ресницами, и продолжала игру. В конце концов сон ее все-таки сморил, и она заснула, сильно запрокинув голову. Рот ее понемножку открывался и очень скоро превратился в черный провал, в бездонную воронку, окаймленную темной блестящей полосой помады. Антон почему-то подумал, что если бы на эту полосу села муха, то обязательно приклеилась бы, а потом была бы втянута в черную бездну организма девушки. Передернув плечами, Зданевич решил, что очень не хочет, чтобы его Люська так красилась и спала в метро, раззявив рот. Он бросил еще один взгляд на девушку и увидел, что рука с мобильником чересчур безвольно лежала на ее джинсовом колене. Экран голубовато светился. Черногубая красotka явно рисковала своим телефоном. Его очень просто вытащить из ее ослабевших пальцев.

На станции «Горьковская» в вагон зашло много народу, и плотная людская масса скрыла девушку от Антона. На подходе электрички к станции «Черная речка» толпа снова рассосалась, и взору Зданевича опять предстала девушка с запрокинутой головой. Она все так же некрасиво спала, рука по-прежнему безвольно лежала на колене, только телефона в ней уже не было. Антон подивился тому, что кто-то вынул его из пальцев девушки при всем честном народе. Неужели никто не видел? Или теперь у жителей Питера другой менталитет? Никто и ни во что не вмешивается? Город нравился Зданевичу все меньше и меньше.

Он подошел к дверям вагона на станции «Удельная», где на проспекте Энгельса жили его родители. Девушка все так же спала. Ее бок уже не поджимала объемистая сумка из синей джинсовки. Зданевич сочувственно вздохнул, вышел из вагона и сразу увидел ЕЁ... Нет! Конечно, это была не она. На рекламном щите молодая девушка держала в руках целую связку мобильных телефонов. Антон успел подумать о той черноротой девчонке из вагона. Вот бы ей один телефончик с рекламного щита! А потом он стал думать о НЕЙ. О своей первой любви. Ясноглазая девушка со связкой мобильных телефонов была очень похожа на ту, которую Зданевич изо всех сил старался вытравить из своих воспоминаний, и был уверен, что это у него получилось. На Московском вокзале он, правда, уже почувствовал некое беспокойство и даже понял, с чем оно связано, но старался не акцентировать на этом свое внимание.

Здесь, у рекламного щита, воспоминания накрыли его с головой и чуть не раздавили на гранитных напольных плитах питерского метрополитена. Сердце билось так, будто Антон в хорошем темпе пробежал метров четыреста. Он тяжело вздохнул, потер кулаком грудь в районе беснующегося сердца, привалился к холодной стене, поставив возле ног дорожную сумку, и задумался.

...Это случилось с ним в выпускном классе средней школы. Он собирался поступать в институт холодильной промышленности и был очень увлечен учебой. На девчонок принципиально не смотрел. Зная свою увлекающуюся натуру, понимал, что, влюбившись, не достигнет цели, которую поставил. Сначала – поступление в институт, а уж потом всякая любовь-морковь. Нет, он не превратился в сухаря или зануду. Он болтал с одноклассниками, говорил им комплименты, танцевал с ними на дискотеках, тесно прижимая к себе их уже вполне созревшие горячие тела, но к сердцу не подпускал. Все у него еще будет, только чуть попозже. Жизнь впереди – такая длинная!

Однажды после уроков Антон замешкался в школьном гардеробе, потому что никак не мог найти свою куртку. Он как раз чертыхнулся в адрес пропавшей одежды, когда к нему вплотную подошла одноклассница. Антон ничего от нее не ожидал. Он даже сказал ей что-то вроде: «Представляешь, куда-то куртка подевалась!» Девушка на это его заявление среагировала очень странно. Она обняла его за шею и осторожно, невесомо поцеловала в сомкнутые губы. Зданевичу показалось, что где-то рядом произошло короткое замыкание: погас свет, а его с одноклассницей осветил сноп огня, вырвавшийся из лопнувшей электрической проводки.

Антон очень обрадовался пропаже куртки. Если бы он ее сразу нашел, то давно уже ушел бы из гардероба, и ничего не было бы...

Он звал ее Дарой. Сначала назвал подарком судьбы, потом даром. Затем сказал девушке, что придумал новое женское имя – Дара. Оно вполне имеет право на существование среди таких говорящих имен, как Любовь, Лада. Девушка смеялась, радовалась новому имени и целовала его все так же осторожно и невесомо. Молодые люди вообще только целовались. Ничего другого между ними не было. Они могли молча часами сидеть друг против друга за столом, держась за руки и глядя глаза в глаза. Это была любовь. Самое сильное чувство, которое Антон испытывал в своей жизни.

Он не насиловал себя, когда женился на Ольге. Он был необыкновенно счастлив, когда она родила ему сына. Он испытал щемящее до слез чувство отцовства, когда впервые взял на руки толстощеку Люську. Но все это было на порядок ниже тех ощущений, которые он испытывал в юности от невесомых поцелуев Дары.

Они почти никуда не ходили вместе. Даре почему-то нравилась таинственность их отношений, а ему нравилось все то, что нравилось ей. Он сидел на уроках, и его захлестывало чувство восторга от превосходства над одноклассниками. Они все суетились, кокетничали друг с другом, обменивались многозначительными взглядами и даже не догадывались об их поцелуях с Дарой. Они все только еще готовились к любви, а они с Дарой уже любили.

На удивление, Антон не стал хуже учиться. Любовь приподняла его над суетой, отсекала все лишнее и ненужное. Существовали лишь наука и девушка. Они были связаны между собой неразрывной нитью. Конечно же, он женится на Даре, но сначала должен поступить в институт, чтобы получить хорошую специальность, а потом приличную работу. Работа позволит ему зарабатывать большие деньги, которые он сложит к ее ногам. Его Дара не будет нуждаться ни в чем.

Все кончилось сразу после выпускного вечера. Дара так и сказала:

– Все кончено.

– Но почему? – не понял Антон. Он не чувствовал, что девушка к нему охладела. – Надеюсь, ты шутишь?

– Нет.

– И в чем же дело?

– Так надо.

– Кому надо?

– Всем нам.

– Мне – не надо! – хватался за соломинку Зданевич.

– Мы больше не будем встречаться, – упрямо твердила она, и больше уже никогда не подошла к телефону, когда он звонил, не выходила к нему из комнаты, когда он приходил к ней домой, молчала, если он, подкараулив ее на улице или в подъезде, пытался получить какие-нибудь объяснения.

– Все кончено, – это были единственные слова, которые она соглашалась произносить.

Антон не стал поступать в институт холодильной промышленности, куда уже успел подать документы. Он также не стал ничего объяснять родителям, которые чуть не рыдали под дверями его комнаты, умоляя пойти на экзамены.

Осенью его забрали в армию. Он был счастлив уехать из города, в котором жила Дара. Он не мог ходить по тем же улицам, где ступали ее ноги. Он сошел бы с ума, если бы увидел ее с другим.

Перед армией у Антона была еще одна девушка. Тоже одноклассница. Она, как и Дара, пришла к нему сама в чудесном синем платье с белыми змейками. Он подумал, что она пришла, чтобы что-то передать от Дары, потому что была лучшей ее подругой, но девушка вдруг заговорила о любви.

Антон решил, что это какая-то провокация со стороны Дары. Проверка. Но девушка начала рыдать и уверять, что любит его серьезно и давно и что готова ради него на все.

Он назвал ее Да. Она действительно оказалась готовой на все. Дара говорила «Нет!», а ее подруга – только «Да!». Когда Антон целовал страстные губы Да, то думал лишь о Даре. Да была продолжением Дары. Да хорошо знала Дару, потому что была ее подругой. Тело Да могло быть похожим на тело Дары. Обе девушки были высокими, статными, с хорошо развитой грудью и узкими бедрами. У обеих были темные длинные волосы и светло-карие глаза.

Зданевич и Да никогда не говорила о Даре. Почему этого не делала Да, Антон не знал. Он же обнимал не Да, а Дару. Он сливался телом с Да, он исходил слезами восторга и острого сладострастного наслаждения, но они для него были связаны только с Дарой. Это ее шелковистую кожу он гладил, это в ее душистые волосы зарывался разгоряченным лицом. Это она, Дара, отдавалась ему страстно и неистово. Это она любила его до самоотречения.

Через два месяца сумасшедшей плотской любви Зданевич сказал Да то же самое, что совсем недавно сказала ему Дара, а именно:

– Все кончено.

– Но почему? – в точности так, как он Дару, спросила его Да. – Надеюсь, ты шутишь?

– Нет.

– И в чем же дело?

– Так надо.

– Кому?

После этого вопроса Да диалог перестал в точности копировать разговор Зданевича с Дарой.

– Так надо мне, – сказал он.

– Зачем? – спросила растерянная Да.

– Я не люблю тебя.

– Врешь! – возмутилась девушка. – Ты любил меня два месяца, как сумасшедший!

– Это ты любила меня.

– А ты?!! Ты не мог не любить! Ты шептал мне на ухо самые нежные слова! Ты так обнимал меня! Тело не может обманывать!!!

– Именно тело и может. Уходи, Да. Я никогда не смогу тебя полюбить. Прости.

В конце концов Да поняла, что все действительно кончено. Антон был благодарен ей за то, что она не стала навязываться, плакать или прикидываться беременной. Он и так чувствовал себя подлецом, и никак не мог понять, почему посмел использовать девушку в своих целях. Да и в каких целях! Жил в угаре, иллюзии, что обладает Дарой! Идиот! Урод и сволочь! Хорошо, что хоть сумел вовремя остановиться...

Когда Зданевич очнулся от воспоминаний, его дорожной сумки у ног не было. Привет тебе, девчонка с черным ртом! Мы с тобой теперь одного поля ягоды!

Деньги и документы Антон всегда носил при себе во внутреннем кармане наглухо застегнутой куртки, поэтому самого отвратительного с ним не произошло. По-настоящему жаль было почему-то только смешного розового бегемота, купленного для Люськи. О вещах он не слишком сожалел. Он и взял-то с собой пока всего лишь смену белья, спортивный костюм и второй джемпер. Зданевич вез родителям несколько литровых банок красной икры и особым способом засоленную Ольгой дальневосточную рыбу. У кого-то сегодня будет классный праздничный ужин.

Антон сунул руки в карманы куртки и пошел к эскалатору. Скажет родителям, что заснул в вагоне метро.

* * *

Вере не спалось. Машка выходила из-под контроля, отказываясь прислушиваться к материнским доводам. Вера уже несколько раз говорила с ней по душам, весьма прозрачно намекая на то, что Андрей Корзун ей не пара.

– Я люблю его, – отвечала ей дочь.

– Маша, в твоей жизни будет еще столько таких Андреев, что глупо в семнадцать лет заикливаться на первом попавшемся!

– Я не заикливаюсь. Я люблю. Это разные вещи. И никакой он не первый попавшийся! – упрямилась Машка.

– Именно, что первый. Андрюшка был первым мужчиной, которого ты смогла наконец отличить от женщины. Ты же знакома с ним с колясочно-горшочного периода! Неужели он тебе не надоел? Неужели тебе не интересны другие ребята? В вашем классе столько красавцев, в сто раз лучше Корзуна. Мы тебя специально отдали в параллельный класс, чтобы ты хоть немного от него охолонула!

– Мама! Я тебя не понимаю! – кричала Машка. – Ты что, никогда не любила?

– Ну почему... – терялась Вера. – Конечно, любила... и вообще... твой отец...

– А если любила, то должна знать, что все разговоры про каких-то там других и лучших – абсолютно бесполезны! Он для меня лучший и единственный! Понятно тебе?!

– Ну хорошо, тогда предлагаю отбросить все условности и обсудить проблему его... алкоголизма!

– Мама! Ну что ты несешь! – Глаза Машки наполнялись слезами, и Вере тут же хотелось плакать вместе с ней. – Он никакой не алкоголик! Это случайность! Его напоили!

– Ничего случайного в этом мире нет! Поверь мне, моя девочка! Я хочу только, чтобы ты была счастлива. А с таким, как Корзун, ты будешь несчастна!

– Ну мама!

– Понимаешь, Маша, многие пьют. Но не впадают в то, во что впал твой Андрюшенька. Это звоночек. Ему нельзя пить! Вообще! Ничего! Никогда!

– Он и не будет! Ему хватило на всю жизнь!

– Наивная ты, Маша! Жизни не знаешь! Все мужики пьют. Одни больше, другие меньше. Да и женщины пьют. Праздники, дни рождения и все такое... Удержаться практически невозможно. А будешь воздерживаться, прослывешь большим, странным, ненормальным...

– Нам плевать на общественное мнение, мама!

– Это, моя милая, называется – юношеский максимализм. Пройдет несколько лет, и ты станешь зависима от общественного мнения... как и все остальные.

Машка с этим не соглашалась и продолжала говорить о своей сумасшедшей любви к сыну Кати и Валентина.

Вера, ворочаясь в постели, вспоминала свою юность, и даже где-то сожалела, что муж дочку обожает и что нет на ее Машку такого же папочки, который руководил жизнью юной Веры и послушаться которого было нельзя.

...Вера с родителями жила в хрущевке, в квартире с двумя смежными комнатами, совмещенным санузлом и пятиметровой кухонькой. Тогда еще Вера звалась не Верой, а Вероникой, поскольку была плодом страстной любви Веры и Николая.

Большая и светлая двадцатиметровая комната с балконом принадлежала родителям Вероники, но служила и гостиной для всех членов семьи в те счастливые времена, когда еще была жива мама. Вероника располагалась в маленькой комнате, пройти в которую можно было только через большую. Маленькая комната была отгорожена от большой огромной четырехстворчатой дверью с выкрашенными белой масляной краской стеклами.

Когда Вероника была маленькой, ей нравилось ее жилище. Девочке было не страшно даже в сгущающихся сумерках, когда на нее, готовящую уроки под маленькой настольной лампой-грибком, со всех сторон напоздали тени, а из каждого темного угла слышались пугающие шорохи и странные щелчки. Она знала, что за широкой белой дверью ее сторожат родители: очень много работающих, а потому не в меру строгий папа и нежная любящая мама. Они непременно прибегут на помощь, стоит ей только позвать их. Ночью ей тоже было спокойно и нестрашно под надежной родительской охраной.

В старших классах школы комната стала нравиться Веронике уже гораздо меньше. Она начала замечать, что мать и отец раздражаются и смущаются на своем двуспальном диване, когда поздним вечером ей вздумывалось пройти сквозь большую комнату в туалет, ванную или на кухню, чтобы на сон грядущий попить чайку с маминым клубничным вареньем. Когда она наконец поняла, что означают родительские раздражение и смущение, то чай на ночь исключила вообще, как и все жидкости другого рода, потому что старалась не выходить из своей комнаты до утра даже в туалет.

После окончания школы свою комнату Вероника уже ненавидела лютой ненавистью. Когда она гуляла по вечерам с молодыми людьми, мысль о том, что придется пробираться на цыпочках в свою комнату мимо родителей, отравляла ей все радости свиданий. Отец считал своим долгом показать ей, что не просто не спит, а разбужен ее слоновыми шагами, и все чаще и чаще обзывал полуночной шлюхой. Каждый день он напоминал ей, что не для того из всех сил работает допоздна, чтобы не знающая ни в чем отказа дочь шлялась по ночам, а для того, чтобы семья ни в чем не нуждалась. Мать при этом всегда успокаивающе поглаживала его по дергающемуся плечу и приговаривала:

– Ну, Коленька, ну перестань... Она же молодая... Когда же еще погулять, как не в молодости...

В торце маленькой комнаты Вероники, на всю ее ширину, располагалась большая кладовка, где отец хранил бутылки вина, которые сам делал из черноплодной рябины. Когда у повзрослевшей Вероники бывали гости, в особенности молодые люди, отец через каждые двадцать минут наведывался в кладовку якобы проверить, как доходит вино в бутылках, созда-

вая в комнате дочери напряженную обстановку и отпугивая всегда почему-то самых приятных девушке кавалеров.

Однажды Вероника прилетела домой с таким радостным лицом, что отец, который ел на кухне суп, сразу скривился от раздражения и даже отложил ложку.

– Чего сверкаешь глазенками, как кошка с прищемленным хвостом? – ядовито спросил он.

– Папа! Мама! – Вероника решила пропустить мимо ушей прищемленный хвост кошки. – Оказывается, нашу квартиру можно переделать так, чтобы никто никому не мешал! – выдохнула она и довольно разулыбалась.

– Ну и как же? – заинтересованно спросила мама, которой до смерти надоели перебранки дочери с мужем.

– Представляете! – продолжала по-кошачьи сверкать светло-кариими глазами Вероника. – Оказывается, можно сломать мою кладовку, передвинуть стену вашей комнаты и из коридора протянуть узкий коридорчик. Бывшая кладовкина дверь станет входом в мою комнату! Оказывается, уже многие так сделали! В нашем подъезде стену передвинули Журавлевы и Петренко. Олег Михалыч Петренко даже помощь обещал, если понадобится! Говорил, что это совсем нетрудно сделать! Здорово, да?!

Мамины глаза засверкали такой же радостью, как и глаза дочери, но когда Вероника перевела взгляд на отца, поняла, что их с мамой радость весьма преждевременна. Николай Петрович стал, что называется, чернее тучи. Он сдвинул к переносице свои кустистые брови, стукнул кулаком по столу так, что из тарелки выплеснулся недоеденный суп, и громовым голосом проговорил:

– Пока я жив, этому не бывать! Это моя квартира! Я – ответственный квартиросъемщик и никому не дам ее поганить из дурацкой прихоти! Те, которые строили такие квартиры, – не дурнее нас с вами были! И вообще: раз так спроектировано, значит, так и должно быть!

Чувствовалось, что Николаю Петровичу очень хотелось пустить кулаки в ход еще раз, но он сдержался и вышел из кухни, не глядя на своих женщин.

Вероника понимала, что дело тут не в строителях и проектировщиках квартиры. С тех пор как она вышла из нежного детского возраста, отцу почему-то стало доставлять удовольствие унижать ее и оскорблять. Он не мог позволить, чтобы дочь отделилась от него стеной и дверями. Он должен постоянно держать на контроле все ее действия, вмешиваться в жизнь дочери, каждый день напоминая, что в этой квартире она всего лишь жалкая приживалка, а он глава и командир. Вероника опустила голову на руки и тихо заплакала. Мать гладила ее по волосам, приговаривая:

– Не плачь, доченька. Отцу просто надо привыкнуть к этой мысли. Такой уж он человек... Я его уговорю, вот увидишь.

Но мама не успела уговорить отца. Она страдала гипертонией в очень тяжелой форме и во время одного из страшных кризов умерла. Вероника осталась одна с отцом, который год от года становился все более отвратительным деспотом и самодуром.

– Мне все это осточертело! Я взрослая женщина и имею право на неприкосновенность личной жизни! – однажды (и в тысячный раз) заявила отцу Вероника уже после смерти матери.

– Это моя квартира, и мне плевать на твою проститутскую личную жизнь! – в такой же тысячный раз ответил ей Николай Петрович.

– Я ставлю тебя в известность, – дрожащим голосом начала Вероника, – что в эту субботу приглашаю бригаду строителей для переноса стены! Я уже почти договорилась!

– Ты забываешь, дорогуша, у кого все документы на эту жилплощадь, – твердым голосомотреагировал отец и оскалил еще очень хорошие зубы в отвратительной ухмылке. – Я спущу

с лестницы твоих строителей и всех твоих хахалей заодно! Пусть лучше и не трудятся подниматься на наш этаж!

– Это произвол! Ты не имеешь права!

– Да пошла ты! – Николай Иванович включил телевизор и уселся в любимое кресло-качалку, чтобы смотреть хоккей, запивая его пивом.

Вероника в тысячный раз закусила губу, чтобы не разрыдаться при этом изверге, и удалилась в свою комнату, так плотно заставленную мебелью, что в ней очень трудно было передвигаться.

Когда скончалась старшая сестра матери, такая же тяжелая гипертоничка, которая вдобавок страдала еще и диабетом, в конце туннеля несчастной Вероникиной жизни забрезжил какой-то свет. Тетя Маня была одинокой женщиной, и Вероника последние дни ухаживала за ней: приносила продукты, готовила еду, убирала квартиру и даже иногда стирала теткино белье, когда той уж совсем делалось невмоготу. Однажды тетя Маня показала племяннице завещание, по которому она собиралась передать ей свою однокомнатную квартиру в случае собственной смерти. Вероника до слез обрадовалась, что сможет съехать от отца, и в тот же вечер прямо от тетки побежала в сберкасса за деньгами, которые ей оставила мать, а потом в мебельный магазин «Ясень», где работал продавцом последний ее ухажер – Никита. Она рассказала ему про завещание и попросила:

– Как только представится возможность, купи в вашем магазине «жилую комнату», желательно югославскую. Отец не разрешит мне вынести из своей квартиры даже старой табуретки, так что жизнь надо будет начинать заново.

Вероника так многозначительно поглядела на Никиту, что он понял: в теткиной квартире обязательно найдется место и для него. Им с Вероникой абсолютно негде было встречаться. Сам он жил в большой семье и в густонаселенной коммуналке, а у девушки был самый мерзопакостный папаша из всех, каких только видел свет. Однажды этот папаша вошел в Вероникину комнату как раз в тот момент, когда молодые люди целовались, и обозвал их непечатым словом. Потом он долго копошился в кладовке, а когда вышел из нее с банкой огурцов, скорчил такую рожу, что Вероника еле удержала Никиту от того, чтобы он по ней не съездил молодым железным кулаком.

Обниматься в подъездах и на последних рядах залов кинотеатров Никите тоже уже надоело до тошноты. Он поднапрягся и в самые короткие сроки, что в советские времена было не так уж просто даже работникам магазина, купил-таки «жилую комнату» и именно югославскую, как того и хотела Вероника. Мебель пришлось горами складировать в ее одиннадцатиметровой комнатухе, потому что тетка упорно продолжала здравствовать. Николай Петрович дико и счастливо захохотал, когда впервые увидел комнату дочери, до потолка загроможденную мебелью, и даже не подумал предложить что-нибудь поставить у себя. Он хохотал каждый раз, когда в самый неподходящий момент (например, когда Вероника переодевалась) проходил в кладовку за очередной банкой собственноручно засолённых огурцов или бутылкой вина.

Когда тетя Маня наконец умерла, у нее нашелся какой-то ушлый родственник, стараниями которого ее завещание было признано недействительным, и квартира по суду отошла ему, а вовсе не Веронике. Никита высказал девушке свое «фэ» и исчез из ее жизни навсегда. Вероника корила себя за то, что посмела раскатать губу на квартиру и купить мебель, когда тетя Маня была еще жива. Именно за это небеса ее и наказали. Складированная в комнате югославская «жилая комната» застыла погребальным комплексом, возведенным в память обманутым надеждам, похороненным ожиданиям и Никитиной любви.

А Николай Петрович жил хорошо. Он даже как-то ожил и помолодел после смерти жены. Он уже не проводил на работе время с утра до ночи, и Веронике стало казаться, что он не работал по вечерам и раньше, а развлекался в свое удовольствие. Похоже, домашняя жизнь с женой и дочерью его тяготила. Теперь он в открытую начал приводить домой женщин. Дочери он не

стеснялся, но все-таки категорически не велел ей выходить «со своего мебельного склада», пока у него «идет процесс». Процесс часто затягивался надолго. Вероника слышала отвратительные звуки и несколько раз имела счастье видеть совокупляющихся немолодых людей, когда ей все-таки необходимо было выйти из комнаты. Отец посылал вслед дочери особо забористую матерщину, обещал выселить из квартиры и даже не пытался чем-нибудь прикрыть себя или свою даму.

Вероника была на грани нервного срыва, когда встретила Славу. Они познакомились при весьма экстремальных обстоятельствах. Она чуть не попала под его машину и очень огорчилась, что не попала. Жизнь в одной квартире с собственным папенькой до того ей обрыдла, что она даже обрадовалась наезжающей на нее темно-синей «Волге». Вероника, конечно, только потом узнала, что машина является «Волгой» и имеет темно-синий колер. А сразу после неудачного наезда она бросилась на водителя, чтобы выцарапать ему глаза за то, что он не сумел ее как следует раздавить.

– Ты что, совсем сбрендил? – крикнул ей выскочивший из машины молодой человек. – Сама лезет под колеса, а я потом отмывайся! Да ты что, в конце концов?! – И он вынужден был перехватить ее руки, которые недвусмысленно тянулись к его щекам.

Девушка, почувствовав свои руки в сильных мужских, как-то сразу сникла.

– Слышь, что говорю-то?! – опять обратился к ней парень, потому что глаза Вероники совершенно потухли, и ему показалось, что она сейчас завалится в обморок прямо на капот.

Вероника промолчала, и он втолкнул ее на переднее сиденье своей «Волги» и даже дал отпить из бутылки лимонада.

– Знаешь что, красавица, если тебе жизнь не дорога, то в следующий раз ложись-ка лучше на рельсы, как Анна Каренина! Это уж наверняка! Какого черта лезешь под машину? – Молодой человек собирался говорить еще долго. Ему казалось: если он замолчит, девушке непременно станет плохо. И что ему тогда делать?

Вероника подняла на хозяина «Волги» глаза и горько расплакалась. Еще бы! Только что все могло наконец стать хорошо: она умерла бы и больше никогда не встретилась с собственным папашей и его старыми голыми тетками, которые так отвратительно охают и вскрикивают, когда у них «идет процесс». И что же получилось? Получилось, что она по-прежнему жива, и ей снова надо возвращаться в свою комнату, в которой уже нечем дышать от пыли, набившейся в складированную югославскую мебель. Она специально повесила над дверью большую картину с водопадом. Ей почему-то казалось, что вид бурлящей воды, разбрасывающей по сторонам искрящиеся брызги, избавит ее от запаха пыли. Картина ни от чего не избавила. Избавления не будет никогда...

– Да что с тобой такое? – уже не на шутку испугался водитель «Волги».

Вероника не могла ответить. Она могла только плакать. Она плакала, и конца ее слезам не предвиделось. Испуганный молодой человек повез ее к себе домой. Ему пришлось тащить девушку на руках до квартиры, потому что идти она не могла и только билась в рыданиях. Дома несчастный владелец «Волги», проклиная все на свете, вынужден был вызвать «Скорую помощь», потому что совершенно не знал, что ему делать с этой странной особой. Он честно рассказал приехавшим врачам о наезде. Они не нашли на теле девушки никаких повреждений и посоветовали обратиться к психиатрам или, на худой конец, к невропатологам. Парень упросил сделать пострадавшей какой-нибудь успокоительный укол, чтобы она заснула, а потом пообещал обязательно обратиться к самым лучшим психиатрам.

Девушку укололи, и она действительно заснула. Молодой человек сел рядом с ней на диван и смотрел, как тихо и красиво она спала. И чем дольше он на нее смотрел, тем больше она ему нравилась. Когда Вероника очнулась, он сделал ей предложение руки и сердца. Вроде бы и

в шутку, и в то же время всерьез. Все зависело только от того, как девушка на это предложение прореагирует. Она, оглядевшись вокруг, спросила:

– А это ваша квартира?

– Моя, – ответил он.

– И вы живете в ней один?

– Один.

– Совершенно один?

– Совершенно.

– Тогда я согласна.

– И что, прямо сейчас? – осторожно спросил он, в глубине души надеясь, что девушка смутится и откажется, но она ответила:

– Именно сейчас. Откладывать нельзя. В противном случае я пойду и лягу на рельсы, как вы мне советовали.

Молодой человек решил поставить все точки над «i» и очень осторожно, боясь спугнуть, спросил:

– И что, вы прямо сейчас готовы переспать со мной?

– Слово «переспать» меня всегда смешит, поскольку то значение, которое в него вкладывают, исключает всяческий сон. Я готова отдаться вам, если вы женитесь на мне и я смогу жить в этой квартире.

– А если я вас обману? Изнасилую и выгоню за дверь?

– Хуже мне все равно уже не будет, – ответила девушка и угрюмо уставилась в стену, оклеенную светло-зелеными обоями, на которую не было никакой нужды вешать картину с водопадом.

– И вам все равно, кому... как вы выражаетесь... отдаться? – удивился он и вдруг все понял. Он жесткими пальцами повернул к себе ее лицо и спросил, глядя в глаза: – Вам что, нигде жить?

– Вроде того, – неохотно ответила она и опять уставилась в успокоительно зеленую стену.

– Ну... вы можете просто пожить у меня... некоторое время... пока все у вас не образуется, – предложил он.

– ЭТО никогда не образуется, – ответила она, особенно выделив голосом первое слово. – Если вы уже пожалели о своем предложении, я могу уйти. – И девушка спустила с дивана очень стройные ноги с тонкими щиколотками.

Он вдруг почувствовал, что не хочет, чтобы она уходила, и спросил, чтобы задержать:

– Как вас зовут?

– Вера, – ответила Вероника, навсегда отсекая от своего имени отцовскую часть «Ника». С этого момента ее будут звать только Верой, как маму.

– Не уходите, Вера, – искренне попросил молодой человек. – Честно говоря, сейчас я тоже переживаю далеко не лучший период своей жизни. Может быть, мы действительно сможем друг другу помочь?

– Может быть... – задумчиво ответила она и сняла через голову пушистый вязаный свитер. Под ним оказалась белоснежная спортивная маечка, а под ней – плотный атласный бюстгальтер, который красиво приподнимал грудь, но никак ее не демонстрировал.

Девушка завела руки за спину, щелкнула замочком и отбросила атласную тряпочку куда-то себе за спину. Перед глазами водителя «Волги» призывно качнулись две розовые груди, кожа которых поблескивала не хуже атласа бюстгальтера. Молодой человек еще пытался поточнее вспомнить высказывание Анатоля Франса о том, что мужчины, ошеломленные бюстом, женятся и на всем остальном, а девушка, успев за это непродолжительное время снять юбку, колготки и трусики, уже лежала пред ним обнаженной Венерой, с которой только писать кар-

тины. Честное слово, «все остальное» тоже стоило того, чтобы на нем жениться. Анатолий Франс знал в женщинах толк!

Вероника, которая теперь твердо решила называться только Верой, проявила все свои способности и знания в половом вопросе, чтобы этот незадачливый водитель женился на ней и избавил ее от отца. И водитель, которого, как оказалось, звали Вячеславом, не устоял. Женился. И полюбил ее, хотя до встречи с ней был убежден, что никогда не сможет забыть некую Мариночку, которая предательским образом бросила его, променяв на какого-то сопляка с новеньким джипом.

Югославскую «жилую комнату» Вера так и оставила пылиться у отца. Она только один раз посетила его квартиру (конечно же, в отсутствие Николая Петровича), чтобы забрать некоторые личные вещи, документы и фотографию мамы. О том, что вышла замуж, она ему не сообщила. Она пропала из квартиры отца, но он и не думал искать ее. Они оба были этим счастливы.

В конце концов Вера поняла, что неожиданно-негаданно вытащила счастливый билет. Слава любил ее. Она это чувствовала. Но даже не это было главным. После того как Вера очнулась после уколов «Скорой помощи» и внимательнее вгляделась в лицо водителя «Волги», то поняла, что он был одного типа с Антоном Зданевичем, ее школьной любовью. Такой же темноволосый и кареглазый, со светлой гладкой кожей. Об Антоне Вера старалась не вспоминать, и старания ее не были напрасными: она не вспоминала. То, что Слава внешне походил на Антона, было очень кстати. Зданевича можно было окончательно похоронить в своей памяти. Можно считать, что Слава и есть Антон. Нет, гораздо лучше считать, что семнадцатилетний мальчишка Зданевич самым чудесным образом стал Вячеславом Андреевичем Кудрявцевым, который уже окончил институт и работает инженером на каком-то неслабом заводе, подает большие надежды и собирается дослужиться как минимум до должности главного инженера этого предприятия.

Вере казалось, что она тоже полюбила Славу. Во всяком случае, он не был ей неприятен. Отработывая квартиру, в которой он ее поселил, она поначалу старалась в постели сделать для него все, что он просил или даже не просил, а только хотел бы попросить. Она угадывала его желания, и он платил ей тем же. Рождению дочери Слава обрадовался чуть ли не больше, чем сама Вера. После родов она перестала особенно угождать мужу, потому что, во-первых, много сил и времени отнимала болезненная Машка, а во-вторых, она посчитала, что все положенное уже с лихвой отработала и начался новый период их жизни. Теперь они со Славой на равных, и любой может выдвинуться в лидеры их маленького семейного коллектива...

И вот надо же такому случиться, что Машка попала в лапы Катиного сына! Славка – это далеко не Верин папаша, Николай Петрович! Славка с дочки пылинки сдувает и вполне войдет в ее положение, когда она начнет петь ему песни про свою неземную любовь к Андрею. С Катей и Валентином Корзунами Вере придется бороться одной, без поддержки мужа.

* * *

Кате не нравилось то, что происходило с Андреем. Он опять начал исчезать из дома вечерами, как тогда, когда случилась история с запоем и вызовом специалистов по его прерыванию. Валентин относился к исчезновениям сына как-то очень легкомысленно. Он вообще относился к жизни слишком просто. Катю это бесило. Муж всегда был спокоен. Его ничто не могло вывести из себя и заставить потерять равновесие. Он сохранял ледяное спокойствие и тогда, когда сын был жутко, нечеловечески пьян и ничего не соображал. В тот роковой момент спокойствие Валентина, конечно, было очень кстати, и, возможно, то, что отец держал себя в руках, и спасло жизнь сыну. Сама Катя находилась в таком взвинченном состоянии, что не

смогла бы даже додуматься, что запой Андрея можно прервать медицинским способом. Да-а-а... Если бы не Валентин тогда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.